

ПОЛИТИКА ПАРТИЙ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ В «ФЕДЕРАТИВНОМ ВОПРОСЕ»

О.Г. Субботин
БГПУ (Минск)

В годы Веймарской республики водораздел между немецкими партиями проходил не только по вопросу об отношении к актуальным проблемам экономического, финансового, социального, внутри- и внешнеполитического развития страны, но и к федерализму как форме государственного устройства. Носителями идеологии ортодоксального федерализма в Германии являлись Баварская народная партия (БНП) и Немецко-Ганноверская партия (НГП); на умеренных позициях стояли Центр и Немецкая национальная народная партия (НННП).

«Баварский федерализм» демонстрировал особый тип политического мышления, основанный «на 1000-летней истории пространства, народа и государства», особенностях национального характера и «миссионерских претензиях» региональной элиты на роль гаранта «союзных отношений» в стране [1, S. 70–71; 2, Sp. 379]. После революции Мюнхен всеми доступными ему средствами пытался противостоять унитарным тенденциям. В ходе предвыборных кампаний в Национальное собрание и рейхстаг партия с завидной регулярностью использовала популярные в регионе идеи государственной автономии и самобытности, использовала антиберлинскую риторику [3, S. 71; 4, S. 19–32]. Так было и в 1924 г., когда БНП «разглядела» в своих политических оппонентах «тайных агентов Берлина», а себя объявила единственной «защитницей тысячелетней баварской государственности». Даже такой «традиционный враг» католиков как марксизм, отмечает историк Д. Лау, померк на фоне слова «Берлин», рефлексивно ассоциируемого с централизмом [5, S. 293].

В предвыборной программе 1928 г. партия заклеила планы создания децентрализованного единого государства как «угрозу самобытной немецкой культуре», потребовала для земель гарантий неприкосновенности, усиления их правового статуса, ревизии ВК в федеративном духе, возврата регионам финансовой автономии, отказа от «несвойственной немцам идеи» унитарного государства, объединения с «кровными братьями из Южного Тироля и Австрии» [6, S. 66; 7].

Известными протагонистами «баварского федерализма» выступали министр-президент Г. Хельд, лидер Баварского крестьянского союза Г. Гейм, «кронюрист» партии профессор Г. Навиаски, а также профессора К. Бейерле, А. Пфайфер и К. Швенд [8, S. 418–422]. Социальной опорой БНП являлся средний класс – буржуазия и крестьянство, в особенности его католическая часть. Из 480 региональных ежедневных газет партии принадлежало 95. Для сравнения: националистам – 23, либералам – 21, СДПГ – 10 и КППГ – 2 [1, S. 82–83].

По мере углубления дискуссии об имперской реформе, сопровождавшей работу Конференции немецких земель в 1928–1930 гг., БНП живо реагировала на рост унитарных настроений среди членов Конституционного комитета, продолжая без устали твердить о приверженности федерализму, «исходя из исторических, экономических, правовых, государственно-политических, культурно-политических и моральных соображений» [9]. Партия отрицала унитаризм как национальную идею, настойчиво призывая католиков из Центра объединить усилия в борьбе за «союзное будущее» Германии. Формально БНП придерживалась положений Бамбергской программы (1920) вплоть до 1933 г. Однако на практике ее максимы все чаще звучали в интерпретации правительства и министерской бюрократии, наглядным примером чему служат меморандумы 20-х гг. [10, с. 124–135]. Ощутимое влияние на теорию «баварского федерализма» оказал принцип субсидиарности в интерпретации католического социального учения (папские энциклики «*Rerum Novarum*» 1891 г. и «*Quadragesimo Anno*» 1931 г.).

Наряду с БНП позиции ортодоксального федерализма отстаивала Немецко-ганноверская партия (далее – НГП), или партия Вельфов. Основанная в 1869 г. в знак протеста на аннексию королевства Ганновер Пруссией, НГП добивалась реставрации традиционной династии Вельфов и возврата экспроприированного у нее имущества. После 1918 г. партия боролась за независимость провинции Ганновер и переустройство Германии «на союзной основе, объединяющей немецкие земли и племена» [11].

Вельфы отрицали принуждение и централизм как методы достижения национального единства, ставя своей целью утверждение «свободного от бюрократий самоуправления регионов и естественной основы немецких племен» [12]. Их движение опиралось на буржуазные слои общества,

проявлявшие сравнительно малый интерес к политике. Ему симпатизировали некоторые члены НННП и ННП. Большой популярностью Вельфы пользовались в среде местных офицеров рейхсвера. Не случайно по результатам выборов 6 июня 1920 г. в рейхстаг за НГП в провинции Ганновер было отдано 303 885 голосов, или 21,8%, что позволило ей занять второе место после СДПГ, набравшей 409 085 [13, Вл. 94].

13 июня 1922 г. федералисты Ганновера в письме на имя канцлера заявили о желании объединить родственные племена, проживающие в Брауншвейге, Шаумбург-Липпе, Липпе-Детмольде и т. д., в границах государства «Нижняя Саксония и Фризия», руководствуясь экономическими, историческими и культурными мотивами [14]. Вслед за этим НГП приняла решение о подготовке к референдуму и развернула масштабную агитацию в пользу «независимости», сопровождавшую предвыборную кампанию 1924 г. в рейхстаг [15; 16, Вл. 90]. Вельфы заявили о «банкротстве великопрусского централизма» и «берлинского парламентаризма», потребовали «сильной имперской власти, основанной на добровольной организации жизнестойких племенных государств» [5, S. 294]. Прусское правительство не осталось в долгу, выделив внушительную сумму на контрпропаганду. Ведущие партии земли встали на защиту единства «северогерманского союза» [17, S. 1]. Неприкрытое давление оказывалось на местных чиновников. В итоге состоявшийся 18 мая 1924 г. опрос ознаменовался крупным поражением северо-германских федералистов и послужил причиной заката НГП. Вельфы-протестанты из Восточного Ганновера присоединились к НСДАП, а католики Оснабрюка и Эмсланда к Центру [18].

В тесных контактах с НГП находилось движение за независимость провинции Гессен-Нассау, а также протестантский «Немецкий союз федералистов» во главе с депутатом прусского ландтага Альперсом (НННП) и профессорами Хельдманом и Хенле, основанный с целью осуществления территориального переустройства Германии на принципах естественного ландшафта [19].

К лагерю «умеренного, или оборонительного, федерализма», отстаивавшего незыблемость конституционно-правовых завоеваний немецких земель, принадлежала партия Центра. Вотчиной католиков традиционно являлись западные и южные регионы страны, а также область Восточной Пруссии. Определяющее влияние на политику Центра оказывали выходцы из рейнско-вестфальского региона, на долю которых приходилось 28–36% «католических депутатов» рейхстага и 28–40% прусского ландтага. 2/3 избирателей Центра были уроженцами двух провинций – Рейнланда и Вестфалии [20, S. 89]. Отсюда вышли все без исключения руководители партии в 1920–1933 гг. [21, S. 258]. Здесь же интересы политического католицизма обслуживали около двухсот изданий, наибольшую популярность среди которых приобрела «Кельнише Фольксцайтунг».

Католики-центристы отвергали баварский радикализм, равно как и борьбу за абстрактную федерализацию страны. Непреложной истинной они считали «покоящееся на культурном сообществе, соединенное судьбой германских племен единство» [22, S. 45–46]. Впрочем, это не мешало им критиковать «теорию идентичности Пруссии и рейха», особенно в южных регионах. Подобная тактика, по мнению депутата ландтага Гесса, позволяла Центру балансировать между двумя кабинетами и адресно влиять на политику имперских властей. «Решительный шаг в сторону унитаризма, – говорил он, – стал бы для большинства членов партии роковым прыжком никуда» [23]. Так, в партийных директивах Центра от 16 января 1922 г. содержалось требование повысить уровень самоуправления, «предоставить провинциям широкие возможности в законодательной и административной сферах», привести «естественные потребности и особенности земель в соответствие с жизненной необходимостью рейха» [24, S. 142].

Центр отвергал любые формы прусской гегемонии, настаивая на стабилизации существующей системы власти с учетом мнения своих сторонников в Баварии, Бадене, Вюртемберге и Гессене. В подготовленных в марте 1928 г. комиссией объединенных фракций рейхстага и прусского ландтага, а также партийных отделений Вюртемберга, Бадена и Гессена «Директивах имперской реформы» содержалось требование усилить функции органов центральной исполнительной власти, локализовать сферы ответственности сторон, осуществить «естественное территориальное деление», отказаться от «великопрусской идеи», гарантировать провинциальное представительство в рейхсрате, объединить малые земли с учетом особенностей их географического и экономического развития [25]. В числе неотложных мероприятий значилась также административная реформа. Таким образом, позиция партии была отмечена классическим компромиссом между консервативно-федеративным характером прежних партийных программ и желанием адаптировать исторические традиции к новым реалиям, задававшим унитарный вектор

государственного развития. Центр отстаивал союзную форму правоотношений в стране, основанную на принципах самостоятельности власти рейха и широкой децентрализации и децентрализации органов земельного и коммунального управления [6, Вл. 139–141].

О необходимости структурно-территориальной реорганизации Германии говорилось также в ходе объединенной конференции представителей БНП и Центра в октябре 1928 г. и на страницах брошюры «Девять лет политики Центра. Достижения и задачи» (1928) [26; 27]. В свой актив партия записала подготовку Земельной конференции 1928 г., послужившей отправной точкой для работы над комплексной программой преобразований. Будучи неизменным участником имперских кабинетов, Центр умело тактировал на политическом поле Германии вплоть до назначения канцлером Ф. фон Папена, выполнял функцию своеобразного «шарнира» между унитариями (СДПГ, НДП, ННП) и федералистами (БНП, НННП), что объективно сужало его возможности в деле реформы. «Расчленение» Пруссии, идею которого энергично лоббировали рейнские провинции, угрожал партии потерей статуса общенациональной политической силы и, в конечном счете, дезорганизацией всего католического движения. Несмотря на это позиции ее «федеративного крыла» неизменно укреплялись. В конце 20-х гг. начался процесс поступательного сближения Центра и БНП, замороженный вследствие финансовой реформы М. Эрцбергера. Особенно заметно это стало в 1928 г., когда пост председателя партии занял убежденный федералист, прелат Л. Каас из Трира.

К силам умеренного федерализма принадлежала и Немецкая национальная народная партия. Защиту земельной автономии и своеобразия немецких племен консерваторы считали залогом единства нации, поэтому отвергали смену юридического статуса Пруссии, ущемление ее конституционных полномочий [28, S. 121; 22, S. 46]. Требование реформы являлось для них важным и неотъемлемым элементом политической пропаганды. Выступая за возврат к гегемониальной федеративной системе Бисмарка, НННП пыталась активно влиять на общественно-политическую дискуссию в стране. В этом плане второстепенный для большинства партий вопрос о конституционных преобразованиях националисты сделали одним из ключевых пунктов своей политической программы в конце 20-х – начале 30-х гг.

Будучи противником «унитарного единства», основанного на «сообществе имперских земель или провинций», НННП добивалась усиления органов центральной исполнительной власти, расширения численного состава рейхсрата за счет членов рейхсвиртшафтсрата и повышения его правового статуса. В сущности, речь шла о возврате к модели раннегерманского парламентаризма, когда верхняя палата выступала в роли органа земельно-федеративного и промышленно-сословного представительства. В числе первоочередных требований НННП значилось также ограничение «парламентского абсолютизма», преодоление прусско-германского дуализма с помощью личной унии рейхс- и штатспрезидента, глав правительств и ключевых министров [6, Вл. 81–82]. Это, впрочем, не мешало немецким национал-консерваторам высказываться против слияния прусских и имперских министерств как «практически неосуществимого, финансово обременительного, ведущего к медиатизации Пруссии» [29].

Высокую степень активности партия демонстрировала в ходе работы Конференции немецких земель. Несовершенство немецкой государственной системы националисты считали следствием «марксистского заболевания народного духа», отстаивая самостоятельность земель и право племен на самобытность, требуя ограничить парламентский абсолютизм и усилить позиции президента [30; 5, S. 348]. Путем вовлечения Пруссии в орбиту имперского управления (министерская уния) НННП рассчитывала сохранить целостность ее территории и добиться децентрализации рейха. Реформа «союзных» отношений, по мнению графа Вестарпа, должна была обеспечить четкое разделение полномочий при разумном самоограничении власти всесильного рейхстага и партий [31, S. 319]. Немаловажная роль в поддержании жизнеспособности земель отводилась «оздоровлению» финансовой системы.

Реакция на программе НННП в политических кругах Германии была неоднозначной. «Аугсбургер Постцайтунг» видела в ней путь к установлению «колокольного федерализма» и реализации «великопрусской идеи», а «Байришер Курьер» – «чрезвычайное решение», служившее реставрации монархического союза между Пруссией и рейхом на «диктаторской основе» [32]. Особого мнения придерживался английский посол в Германии, разглядевший в планах национал-консерваторов желание перевести решение немецкой проблемы в плоскость конституционной реформы [33].

Таким образом, проблеме федерализма отводилось важное место в программных документах политических партий Германии. Сторонники унитарной модели государственного развития – СДПГ, НДП, ННП, НСДАП, КПП и др. – критиковали оппонентов за косность и консерватизм мышления, препятствовавших модернизации рейха и повышению его международной конкурентоспособности. Впрочем, и само понятие «федерализм» было чрезвычайно размыто. В отличие, скажем, от баварских католиков представители НННП видели в нем средство сохранения территориальной целостности Пруссии, а Центр – механизм предоставления провинциям статуса имперских земель. Все это негативно сказывалось на функциональных возможностях Веймарской республики как «унитарного союзного государства».

Литература

1. Menges, F. Reichsreform und Finanzpolitik. – Berlin, 1971.
2. Gollwitzer, H. Bayern 1918-1933 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – 4 (1955). – S. 363–387.
3. Berndt, R. Preussen in der Weimarer Republik: zum staatsrechtlichen Verhältnis Preussen-Reich zwischen 1918 und 1933: Diss. – Halle, 1975.
4. Beyerle, K. Föderalistische Reichspolitik. – München, 1924.
5. Lau, D. Wahlkämpfe der Weimarer Republik. Propaganda und Programme der politischen Parteien bei den Wahlen zum Deutschen Reichstag von 1924 bis 1930. – Marburg, 2008.
6. Vorschläge zur Reichsreform. Reichssparkommissar // Bundesarchiv (BA). – R 43 I/1877. – Bl. 66.
7. Partikularistische Forderungen der BVP, in: Bayerischer Kurier, v. 4.12.28, Nr. 569 // BA. – R 43 I/1879. – Bl. 323.
8. Keßler, R. Heinrich Held als Parlamentarier, 1868–1924. – Berlin, 1971.
9. Kulturpolitik in Bayern und Reich, in: Augsburger Zeitung, Nr. 45, v. 22.2.29 // BA. – R 43 I/2254. – Bl. 28.
10. Субботин, О.Г. Веймарский федерализм. – Минск, 2010.
11. Eine Erklärung der Deutsch-Hannoveraner. Schreiben des Kriegsministeriums, v. 24.6.1919 // BA. – R 43 I/1846. – Bl. 21.
12. Bericht des Reichskommissars für Überwachung der öffentlichen Ordnung, v. 12.8.22 // BA. – R 15.07/67142. – Bl. 7–8.
13. „Zur Frage der Abstimmung Hannover“. Anlage zum Schreiben des Reichsministers des Innern an den Staatssekretär in der Reichskanzlei, v. 28.1.24. // BA. – R 43 I/1846. – Bl. 92–94.
14. Schriftleitung der Hannoverschen Landeszeitung an den Reichskanzler, v. 13.6.22 // BA. – R 43 I/1846. – Bl. 32–34.
15. Reichsminister des Innern an den preussischen Minister des Innern, v. 27.11.22 // BA. – R 43 I/1846. – Bl. 51–52.
16. Reichsminister des Innern an den Staatssekretär in der Reichskanzlei, v. 28.1.24 // BA. – R 43 I/1846. – Bl. 90–92.
17. Die hannoversche Frage // Deutsche Zeitung. – Nr. 205, v. 9.5.1924.
18. Deutsch-Hannoversche Partei // http://de.wikipedia.org/wiki/Deutsch-Hannoversche_Partei.
19. Schreiben des geschäftsführenden 2. Vorsitzenden des Deutschen Föderalistenbundes E. Kunz // Bayerisches Hauptstaatsarchiv. – MA 1943. – DR. 103282.
20. Ruppert, K. Der politische Katholizismus im Rheinland und in Westfalen zur Zeit der Weimarer Republik // Rheinland-Westfalen im Industriezeitalter: in 4 Bd.; Hrsg. von K. Düwell u. W. Löllmann. – Wuppertal, 1984. – Bd. 3 – S. 76–97.
21. Romeyr, H. Die Auswirkungen der Friedensresolution des deutschen Reichstags von 1917 auf die politische Szene in Rheinland und Westfalen // Rheinland-Westfalen im Industriezeitalter; Hrsg. von K. Düwell u. W. Löllmann. – Wuppertal, 1984. – Bd. 2. – S. 257–270.
22. Bloch, C. Die Reichsgestaltungstendenzen in Deutschland von 1918 bis zur Gegenwart: Diss. Dortmund-Marten, 1932.
23. Föderalismus und Unitarismus, in: Bayerische Staatszeitung, Nr. 119, v. 25.5.27 // BA. – R 43 I/2246. – Bl. 160.
24. Richtlinien der Deutschen Zentrumspartei (1922) // Deutsche Parteiprogramme seit 1861; Hrsg. von W. Treue. – Göttingen, 1968. – S. 140–149.
25. Das Zentrum lehnt den Einheitsstaat ab, in: Rheinische Volkszeitung, Nr. 262, v. 14.11.27 // Hessisches Hauptstaatsarchiv Wiesbaden. – 405/5364. – Bl. 61.

26. Neun Jahre Zentrumspolitik. – Flugschriften der Deutschen Zentrumspartei (1928) // BA. – R 43 I/2658. – Bl. 101.
27. Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei, v. 29.10.28 // BA. – R 43 I/2260. – Bl. 62–64.
28. Grundsätze der Deutschnationalen Volkspartei (1920) // Deutsche Parteiprogramme seit 1861; Hrsg. von W. Treue. – Göttingen (u.a.), 1968. – S. 120–127.
29. Verfassungs- und Verwaltungsreform, in: Bayerische Staatszeitung, Nr. 285, v.10.12.27 // BA. – R 43 I/2249. – Bl. 69.
30. Die deutschnationale Reichsreform, in: Bayerische Staatszeitung, v. 11.4.29 // BA. – R 43 I/2254. – Bl. 298.
31. Westarp, K.G. Das Versagen der Republik // Quellen zum politischen Denken der Deutschen im 19. und 20. Jahrhundert; Begründet von R. Buchner und fortgeführt von W. Baumgart. – Bd. 8. – S. 316–321.
32. Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei, v. 12.4.29 // BA. – R 43 I/1880. – Bl. 195–197.
33. Zum Verfassungsproblem des Deutschen Reiches. Der englische Botschafter in Berlin an das Auswärtige Amt in London, v. 20.12.27 // BA. – R 43 I/1874. – Bl. 66.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ